

01.08.23

ЗАПАД И СВПД: ЕСТЬ ЛИ ШАНС НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ СДЕЛКИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ?

В конце 2022 г. в сеть попал ноябрьский видеоролик, в котором Джо Байден признал, что иранская ядерная сделка фактически «мертва», но США не готовы объявить об этом публично. С сентября в Иране разворачиваются масштабные протесты, четырех участников которых уже казнили, а когда по обвинениям в шпионаже повесили бывшего замминистра обороны страны с британским гражданством, Лондон объявил о пересмотре своей позиции в отношении соглашения по ядерной программе Ирана. Возможно ли восстановление ядерной сделки в этих условиях? Ответ требует понимания более широкого контекста вокруг этих событий.

Позиция Европы и США

«Евротройка» в составе Великобритании, Германии и Франции начала переговоры с Ираном в 2003 г., а роль Евросоюза как координатора процесса стала значимее, когда состав собеседников Ирана за переговорным столом расширился в 2005 г. до «шестерки», включив США, Россию и Китай. Но европейская дипломатия оказалась эффективной лишь в условиях, когда Брюссель слаженно работал с Вашингтоном. Когда же при Дональде Трампе между столицами произошел разлад, «Евротройка» смогла лишь выразить сожаление по поводу выхода США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе, заключенного в 2015 г. Запустить работающий механизм платежей с Ираном для смягчения санкционного эффекта европейские партнеры не смогли – решили дождаться, когда в Белый дом вернется демократическая администрация, и после этого запустили переговоры о восстановлении ядерной сделки. Несмотря на открывавшиеся возможности, за четыре года по механизму ИНСТЕКС провели лишь одну операцию, а в начале 2023 г. его решили закрыть.

Односторонний выход США из СВПД в 2018 г. поставил Иран в трудное экономическое положение. Экономика страны погрузилась в глубокую рецессию: экспорт нефти упал до 0,5 млн барр. в день в 2019 г., инфляция подскочила до 48,8% в 2018 г., а ВВП сократился на 6% в 2018 г. и 6,8% в 2019 г. Рецессия была осложнена пандемией, которая сильно затронула Иран и лишила жизни сотни тысяч иранцев. К тому же из-за двукратного повышения цен на бензин в ноябре 2019 г. страну охватили массовые, хотя и кратковременные протесты, которые привели к многочисленным жертвам. Д. Трамп не только восстановил старые санкции против Исламской Республики, но и ввел новые – например, в отношении добычи и производства металлов, – прервав тем самым только наметившийся экономический рост и погрузив Иран в глубокую рецессию.

Но антииранские действия Д. Трампа этим не ограничились. В январе 2020 г. он

пошел на беспрецедентный авантюрный шаг, убив генерала Касема Сулеймани – главу отряда специального назначения «Кудс» в составе Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Американский президент обвинял подконтрольные К. Сулеймани шиитские отряды в убийстве иракцев и сирийцев. В Иране же генерал и после смерти остается народным любимцем и считается символом борьбы с терроризмом и исламским экстремизмом. Иранцы массово приняли участие в похоронах генерала, а консерваторы и реформаторы объединились в своем возмущении действиями США. Некоторые иранские интеллектуалы даже называли это событие «вторым рождением иранской нации». Однако политику республиканской администрации США поддержали и противники Ирана в регионе.

После прихода к власти Джо Байдена в январе 2021 г. риторика США в отношении Ирана смягчилась, и американские официальные лица заговорили о возможности отмены санкций и восстановления ядерной сделки. Новый президент **назвал** решение предыдущей администрации покинуть СВПД гигантской ошибкой, но его администрация не сделала ни одного значимого публичного шага навстречу Ирану. В этом смысле Дж. Байден оказался куда осторожнее своего предшественника.

На фоне устойчивого обращения властей Ирана и США к образу дьявола при описании друг друга и растущего с 1979 г. перечня взаимных обид Барак Обама спустя 30 лет после исламской революции **поздравил** иранцев с ноурузом (иранским новым годом). А когда президентом Ирана стал Хасан Роухани, дипломатам удалось согласовать 154-страничный план по временному сокращению иранского ядерного потенциала в обмен на снятие санкций. Достаточно сравнить видеообращение Б. Обамы с текстовым **поздравлением** Дж. Байдена, чтобы понять, насколько нынешний президент был готов вкладывать свой политический капитал в восстановление ядерной сделки. Даже в условиях тяжелой борьбы Ирана с пандемией COVID-19 США не предприняли усилия по облегчению последствий санкционного режима – возможность вовремя отмежеваться (в иранском представлении) от наследия Д. Трампа была упущена, что негативно повлияло на ход переговоров по восстановлению сделки.

Протесты в Иране и сделка

Иран и особенно сторонники дипломатического урегулирования кризиса вокруг национальной ядерной программы среди представителей иранской власти оказались пострадавшей стороной в этой ситуации. Изначально заключение сделки прибавило популярности не только **команде переговорщиков**, но, прежде всего, собравшему их президенту, центристу-прагматику Хасану Роухани. Именно это помогло ему победить во второй раз на выборах 2017 г. Экономические последствия заключения СВПД **впечатляли**: за счет эффекта низкой базы в 2016 г. экономический рост составил 13,4%, а в 2017 г. выровнялся на уровне 3,8% в год, все еще превышая темпы роста населения (около 1% в год). Инфляция опустилась до рекордно низких для современного Ирана 8,3% в год. Иностраннные инвестиции в 2016 г. превысили 3 млрд долл. по сравнению с 0,9 млрд долл. в 2015 г. Экспорт нефти после отмены западных ограничений вырос в два раза – с 1,1 млн барр. в день в 2014 г. до 2,1 млн барр. в 2017 г. Ядерная сделка помогла Ирану приступить к быстрому восстановлению собственной экономики после долгих удушающих санкций.

Из-за победы на выборах Дональда Трампа соглашение по иранской ядерной

программе перестало действовать вскоре после того, как начало приносить результат. В русле доктрины «стратегического терпения» Иран год соблюдал соглашение в полном объеме, ожидая решительных мер со стороны «Евротройки», но результатов не добился, и поэтому стал сокращать свои обязательства по СВПД. А при администрации президента Эбрахима Раиси иранский парламент в ответ на убийство физика-ядерщика Мохсена Фахризаде принял закон «О стратегических действиях по отмене санкций», по которому исполнительные власти **оказались** вынуждены наращивать темпы развития ядерной программы, если США после смены администрации не предпримут оперативных мер по возвращению к ядерной сделке. Иран настаивал не только на снятии всех санкций, но и на компенсации всех финансовых потерь из-за приостановления сделки, на что Запад отказался пойти. Однако главная цель Тегерана заключалась в том, чтобы вернуться к СВПД, но с взаимными, а не односторонними **гарантиями** по выполнению.

Переговоры по восстановлению ядерной сделки с перерывами **длились** с апреля 2021 г. по сентябрь 2022 г., однако помех было немало. Летом 2021 г. в Иране произошло обновление администрации, и потребовалось несколько месяцев, чтобы Тегеран **сформировал** новую команду переговорщиков в составе заместителя главы МИД Али Багери и группы специалистов Министерства экономики, финансов и Центрального банка. В июне того же года произошла диверсия на объекте сборки центрифуг в Кередже, что **осложнило** технический диалог между Ираном и МАГАТЭ по верификации мирного характера и обеспечению транспарентности ядерной программы страны. Помимо этого, МАГАТЭ при поддержке США и «Евротройки» стало настаивать на скорейшем решении вопросов в отношении ядерной деятельности Ирана до 2003 г., а Тегеран настаивал на том, что эта тема закрыта с декабря 2015 г., когда в МАГАТЭ обсудили **доклад** гендиректора с итоговыми оценками по спорным вопросам иранской ядерной программы.

К августу 2022 г. новый документ по ядерному соглашению был почти согласован. По **словам** постоянного представителя России при международных организациях в Вене Михаила Ульянова, у иранской делегации вызвали споры всего несколько строк. Однако уже в сентябре 2022 г. возникли новые трудности из-за массовых протестов в Иране. Как известно, тогда Иран охватила новая волна массовых протестов, формальным поводом для которых стала смерть курдской девушки Махсы Амини, в которой обвиняли полицию нравов, задержавшую ее за неправильное ношение платка. Первоначально главным требованием протестующих стала отмена обязательного ношения хиджаба – головного платка и закрытой одежды для женщин. Однако вскоре протесты приобрели политический характер – стали звучать требования о ликвидации исламского режима. Протестующие сжигали духовные семинарии и дом-музей Хомейни, требуя секуляризации страны. В ходе протестов произошли массовые столкновения протестующих с органами правопорядка, в результате чего погибли, по максимальным подсчетам, почти 500 человек. Впрочем, имели место также массовые демонстрации в поддержку исламского режима. Иранские власти обвинили США, Израиль и Саудовскую Аравию в разжигании беспорядков.

С декабря 2022 г. волна протестов идет на спад, но никто не может спрогнозировать, как изменится ситуация в ближайшие месяцы. В иранском обществе по целому ряду причин (экономический кризис, недовольство многочисленной светской городской

молодежи серьезными религиозными ограничениями в политической и даже бытовой сфере) очень велик протестный потенциал. Иранцы – сравнительно молодое общество (средний возраст населения – всего 31 год); и многочисленная, к тому же в значительной степени безработная молодежь готова протестовать дальше. Поэтому любой серьезный повод для недовольства может в будущем зажечь новую искру массовых протестов.

Позиция Ирана

Что касается участников осенних протестов, то некоторых из них казнили без длительного судебного процесса; и первые казни **состоялись** в декабре. Запад уже тогда однозначно поддержал протестующих и заявил, что власти Ирана жестоко подавляют волю народа. Последней каплей для Лондона стала казнь 14 января 2023 г. бывшего замминистра обороны Ирана Алирезы Акбари, обладавшего иранским и британским гражданством, которого обвинили в шпионаже в пользу Великобритании. Премьер Британии Риши Сунак **назвал** казнь жестокой и трусливой, а иранский режим – варварским. В связи с этими событиями Великобритания также заявила, что может отказаться от возобновления СВПД. Страны Евросоюза ужесточили свою позицию в отношении Ирана, **введя** дополнительные санкции за подавление протестов. Германия и Франция **заговорили** о возможности признания КСИР, которым иранцы-сторонники исламского режима гордятся за его вклад в борьбу против терроризма, террористической организацией. В ответ на враждебные действия со стороны Западной Европы официальный представитель МИД Ирана Насер Канаани **обвинил** запад в лицемерии и нарушении прав человека, а также заявил, что ему не удалось подавить решимость Ирана в противостоянии заговорам.

Иранская делегация настаивала на максимальной переговорной позиции по СВПД до тех пор, пока западные участники не продемонстрировали, что в новых условиях они заинтересованы не столько в том, чтобы возобновить СВПД, сколько в том, чтобы поддержать протестующих и заставить Тегеран заплатить цену за фактическую поддержку России в украинском конфликте. Вопреки некоторым ожиданиям европейские лидеры, испытывающие кризис из-за нехватки энергоресурсов в результате антироссийских санкций, преодолели стремление компенсировать эту нехватку закупками нефти и газа из Ирана. Когда же, по неподтвержденной информации, иранские дипломаты оказались готовы подписать документ о возвращении к СВПД, им **не удалось** добиться поддержки ведущих игроков в иранском истеблишменте.

Духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи скорее солидарен с консервативными силами, представители которых испытывают глубокое недоверие к Западу и опасаются очередного нарушения США взятых ими на себя обязательств. Другая часть политической элиты не отрицает эту проблему, но главной (как и экономический блок правительства) **считает** тяжелый экономический кризис, который не удастся купировать без ослабления санкционного давления. Поскольку с 2021 г. ключевые органы власти, включая выборные, находятся под контролем более консервативных сил, они стремятся удержать власть без опоры на дипломатическое наследие предыдущей администрации. Возврат к СВПД с иранской стороны будет возможен, если во фракционной борьбе внутри Ирана одержит верх прагматизм и желание улучшить условия жизни большинства граждан ценой компромиссов с Западом по

ядерной программе, не поступаясь при этом главными принципами независимой политики Исламской Республики в регионе. К дипломатическим решениям толкает и риск войны в отсутствие каких-либо договоренностей: в ночь на 29 января неизвестные с помощью беспилотников атаковали военный объект в Исфахане, в связи с чем Иран **пригрозил** Израилю «ответом». Подобные инциденты в будущем способны вызвать военный конфликт с участием Ирана, поскольку с каждым разом стимул воздержаться от немедленного ответа будет уменьшаться.

Позиция России

Постоянный представитель России при международных организациях в Вене продолжает публично отстаивать необходимость восстановления сделки и **видит** шанс на это даже в самых трудных условиях. По словам Михаила Ульянова, возрождение СВПД не потребует большого количества времени, однако на данном этапе политическая воля завершить этот процесс есть у всех, кроме западных участников. На фоне усилий российской дипломатии (значительную роль руководителя российской делегации на переговорах по ядерной сделке Ирана **подчеркивают** как те, кто разделяет российскую позицию, так и те, кто не заинтересован в восстановлении иранской ядерной сделки) важно отреагировать на критические оценки ядерной сделки или российско-иранского партнерства, которые встречаются в русскоязычной прессе. Они разнятся — от упрощенного **представления** о выборе Ираном «или Запада, или России» в качестве союзника до узкоотраслевых **комментариев** о ценообразовании на нефтяном рынке и аргументированного **анализа** трудностей в двусторонних отношениях. Российские национальные интересы в отношении Ирана **шире** конъюнктурного соперничества на энергетическом рынке или **противостояния** с Западом. Возобновление ядерной сделки отвечает им в той мере, в которой она сократит стимул для иранских властей стремиться к разработке ядерного оружия, для оппонентов Тегерана — начать боевые действия против него. А Москву восстановление соглашения избавит от необходимости вовлекаться в новый военный конфликт в регионе, позволив ей сосредоточиться на дипломатическом **урегулировании** кризиса и развитии полноценного сотрудничества с южным соседом.

Впервые опубликовано Российским советом по международным делам: Маргоев А., Раванди-Фадаи Л. Запад и СВПД: есть ли шанс на восстановление иранской ядерной сделки в новых условиях? *РСМД*. 9.02.23. <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/zapad-i-svpd-est-li-shans-na-vostranovlenie-iranskoy-yadernoy-sdelki-v-novykh-usloviyakh/?ysclid=m7svjqif1i432690528>

Источник: **Запад и СВПД: есть ли шанс на восстановление иранской ядерной сделки в новых условиях?**

ОБ АВТОРЕ

Адлан Маргоев

научный сотрудник Института международных исследований МГИМО

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: иранистика

Область экспертизы: политическое развитие Ирана

Профессиональный опыт: МГИМО МИД

